

## РИСКИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

*Проблемы развития академической мобильности, являющейся составной частью евроинтеграционных процессов в системе высшего образования, привлекают всевозрастающее внимание специалистов, руководителей вузов. Однако серьезного анализа вопросов, связанных с путями адаптации и интеграции системы высшего образования стран постсоветского пространства к европейским требованиям и, в первую очередь, к обеспечению реальной академической мобильности, пока нет.*

*В статье рассматриваются некоторые противоречия и риски, возникающие при попытках осуществления академической мобильности в условиях трансформации системы высшего образования. В частности, проблемы сохранения и развития отечественных научных школ, необходимости создания условий для возвращения молодых ученых, после зарубежных практик и стажировок.*

Явление вызывает постоянно растущий интерес исследователей и с неменьшим постоянством диверсифицируется. При этом важно отметить, что мобильность не ограничивается только евроинтеграционными процессами в образовании, она носит более широкий, всеохватывающий характер. И подходы к ее изучению и анализу, соответственно, не должны замыкаться только на европейском контексте. Хотя, конечно, Болонская составляющая является сегодня доминирующей.

Украина, присоединившаяся в 2005г. к странам-участникам Болонских договоренностей, ощутимо продвинулась по пути их внедрения в вузовскую среду. Однако степень этой реализации в различных аспектах Болонского процесса ощутимо разнится. Представляется, что академическая мобильность относится к категории наименее «продвинутых» параметров. Это утверждение строится как на знакомстве с официальной статистикой, так и на анализе литературы, прямо или косвенно посвященной проблеме.

Публикации, безусловно, есть. Но их подавляющее большинство посвящено либо международной студенческой мобильности, либо Болонскому процессу в целом и мобильности, как его составляющей.

Наибольший интерес для автора представляют публикации известных специалистов в области изучения современного высшего образования: Байденко В. [2], Гребнева Л. [4], Кузьминова Я. [6]. Ощутимо дополняют общую картину статьи Голуба Г., Когана Е., Прудниковой В [3]; Лайна Вербика и Вероники Лазановски [7], ряда других исследователей. Иными словами, историографическая составляющая проблемы достаточно солидная. Хотя, следует заметить, что далеко не все составляющие академической мобильности находят в литературе должное место. Явно преобладают, как уже отмечалось, исследования, посвященные студенческой международной мобильности. Ощутимо меньше внимания уделяется преподавательской и внутренней мобильности. На удивление малочисленны публикации, обобщающие опыт организации и обеспечения академической мобильности теми или иными вузами. Анализ же ее развития, тенденции, проблем на общегосударственном уровне в литературе вообще встречается крайне редко.

Есть определенная информация и в интернете. Она достаточно разнообразна и масштабна. Отдельные сайты (например, <http://www.eu.prostir.ua>; [www.eu-edu.org](http://www.eu-edu.org)) отличаются определенной системностью в подаче информации. Но этот источник, представляется, пока позволяет получать лишь статистические данные и огромный массив фактического материала. «Выудить» аналитику, серьезные сравнительные исследования сложно.

И анализ имеющихся публикаций, и знакомство с реальным положением дел в высшей школе (во всяком случае на примере Украины) позволяют высказать

предположение о том, что вопросы организации академической мобильности вузы до сих пор решают на уровне двусторонних договоров о сотрудничестве и эпизодического включения в международные образовательные программы. Стратегических наработок, системных подходов нет.

Трудно не согласиться с уже упоминаемым профессором МГУ Леонидом Гребневым, который заметил, что «выживать, возможно, проще было бы поодиночке, но успешно развиваться можно только сообща. В современном мире конкуренция между агентами на одном поле, рыночном или административном, всегда сочетается с их сотрудничеством за привлекательность самого этого поля – одного или многих, претендующих на ресурсы, имеющиеся у государства, организаций, граждан. Эта простая мысль все еще довольно плохо воспринимается нашей вузовской и управленческой общественностью. Можно сказать, что главной угрозой для... вузов в условиях растущей международной доступности образовательных услуг, в том числе в рамках Болонского процесса, и присоединения к ВТО, являются сами вузы, точнее их разобщенность» [4, с. 30].

Объединение усилий университетского сообщества при решении вопросов развития академической мобильности представляется крайне актуальным и своевременным, ибо реализация этой важнейшей составляющей современного высшего образования протекает в условиях отсутствующего опыта и ясного прогноза. Вряд ли, даже объединив усилия, можно ожидать получения бесспорных ответов на все возникающие вопросы, но иметь хотя бы модельное представление необходимо.

Последние 10–15 лет международная академическая и научная мобильность стали неотъемлемым элементом глобального пейзажа высшего образования. Так, общее количество мобильных студентов, по данным ЮНЕСКО, в 2005 году превысило 2,5 млн. чел., т. е. увеличилось по сравнению с 1999 г. на 61% [7, с. 32]. Такой заметный рост за столь короткое время отчасти можно объяснить изменениями в инфраструктурах и емкости систем высшего образования. Прогнозы же глобальной студенческой мобильности выглядят еще более впечатляющими: в 2025 г. число студентов, обучающихся за границей, вырастет до 7,2 млн. чел. [5, с. 7].

Растущая академическая мобильность приобретает масштабы, позволяющие ей ощутимо влиять на развитие всего института высшего образования. Совершенно оправданным, поэтому, представляется интерес к ее позитивным моментам и возможным негативным последствиям, к анализу издержек и вероятных рисков для той или иной национальной системы образования.

Не ставя под сомнение целесообразность и важность всестороннего развития академической мобильности, без которой представить современную высшую школу невозможно, все же кажется обоснованным акцентирование внимания на определенных рисках, которые возникают для университетского сообщества Украины. Перечень таких зон риска мог бы занять ни одну страницу, ибо конфликты интересов, возникающие в случае расширения академической и научной мобильности, достаточно многочисленны. Для их изучения и оптимизации потребуются существенные административные, управленческие, организационно-финансовые ресурсы. А о проблеме лучше все-таки знать и предпринимать превентивные меры, нежели дожидаться ее разрастания до уровня непреодолимых препятствий.

Одной из таких «болевых точек» развития академической мобильности для Украины (да и не только) является хорошо известная «утечка умов». Явление не новое, но от этого не утрачивающее своей остроты, особенно в условиях процессов, стимулируемых Болонскими договоренностями. Нельзя не согласиться с проф. Валентином Байденко, который считает, что «утечка умов» ослабляет внутренний потенциал развития страны и ни в коем случае не является следствием только увеличения мобильности студентов и преподавателей. Превалирующий фактор этого явления – «отсутствие местных стимулов

и возможностей», – говорится в Программном документе ЮНЕСКО «Реформы и развитие высшего образования (1995) – который обуславливает внешнюю и внутреннюю «утечку умов», наносящую ущерб как функционированию, так и долгосрочному развитию высшего образования. В материалах Всемирной конференции по высшему образованию («Всемирная декларация о высшем образовании для XX века: подходы и практические меры», ст. 16) подчеркивается, что «необходимо сдерживать «утечку умов», поскольку она продолжает лишать... страны, переживающие переходный период, высококвалифицированных специалистов, которые нужны для ускорения их социально-экономического развития» [1, с. 16].

В Украине, в среднем, в первое десятилетие XXI в., в коммерческие структуры перешло 27% кадрового потенциала науки, а в некоторых областях научной сферы до 50%, что, безусловно, означает прогрессирующее снижение интеллектуального потенциала общества. Поэтому, думается, проблему внешней «утечки», которая усиливается в результате стимулирования преподавательской академической мобильности, нужно рассматривать в совокупности с внутренней. Если внешняя «утечка умов» трактуется как потеря «точек роста» в связи с отъездом за рубеж ярких научных индивидуальностей, распадом научных школ и закрытием перспективных научных направлений развития науки и техники, то в совокупности с «внутренней утечкой умов» это уже означает снижение «критической массы», необходимой для воспроизводства научных кадров и сбалансированного развития научного потенциала.

Еще до активного внедрения в Украине Болонских договоренностей, потери отечественной науки от массового выезда научной и творческой интеллигенции были весьма и весьма ощутимыми. Достоверной статистики по «перетеканию» этих категорий населения нет. Но отдельные статистические выкладки (общее число выехавших, из них имеющих ученые степени и звания, в том числе в возрасте 35–40 лет и т. д.) позволяют утверждать, что урон 90-х годов XX в украинские вузы только начинают ощущать в полном объеме. Уход интеллекта в страны и регионы, создающие для него более приемлемые условия, обескровили многие научные направления (особенно в точных и естественных науках).

Нельзя не учитывать и социально-демографический аспект проблемы. Во-первых, выезжают молодые люди в возрасте максимального вступления в брак и деторождения. Во-вторых, это молодые люди, ориентированные на получение профессиональной квалификации и высшего образования, а также предполагающие возможность выезда из страны для повышения образования и квалификации, а значит, они откладывают рождение детей, что ведет, естественно, еще и к снижению рождаемости. Учитывая, что значительная доля высококвалифицированных специалистов и ученых навсегда или на длительный период жизни остается за границей, то, вполне вероятно, что они ощутимо утрачивают связь с научными направлениями и школами, функционирующими на родине и им крайне сложно потом (в случае возвращения) «вписаться» в них. Иными словами, получается своеобразная комплексность потерь, включающая в себя и социально-демографические, и экономические, и научные аспекты.

Мысль о потерях культурных, нравственно-этических, думается, лучшее вообще не развивать... Утрата академической культуры в отечественной высшей школе настолько очевидна и болезненна, что говорить о ней стоит отдельно.

Еще одна «зона риска», которая связана с развитием академической мобильности, во всяком случае при полноценной, массовой ее реализации, это возможное разрушение научных школ, которые являются важнейшей составляющей современного университетского образования. Специалистам хорошо известно, что научные школы – явление, оценивать которое в количественных параметрах едва ли целесообразно. Для научных школ и направлений, значимость одного-двух ученых может быть критичной. Нет необходимости в выезде за рубеж десятка представителей той или иной научной

школы для того, чтобы она ослабла и в конечном итоге разрушилась. Научные школы, складывающиеся не одно десятилетие, болезненно реагируют на потерю одного-двух ученых, тем более, если на ПМЖ выезжает лидер направления.

Резонным будет замечание относительно того, что современная наука, по сравнению с предыдущими периодами, обладает совершенно уникальными коммуникационными возможностями, позволяющими нивелировать существующие расстояния. Все это, безусловно, так. Однако при этом роль культурно-образовательной, научной среды ничто пока заменить или воспроизвести не может. А без такой «питательной среды» научные школы очень многое утрачивают, если вообще могут существовать.

Украина, активно включившаяся в евроинтеграционные образовательные процессы, стремящаяся, в силу ряда политических причин, быстро «стать своей» в образовательном сообществе Европы, осуществляет многие реформы, представляется, без должной оценки рисков и издержек. В частности, в тех социально-экономических и политических условиях, которые сегодня характерны для Украины, едва ли целесообразно развивать академическую мобильность во всех ее проявлениях, без выработки определенных сдерживающих противовесов. Речь ни в коем случае, конечно, не идет о создании запретов или препятствий. Процессы академической мобильности набирают обороты, диверсифицируются, становятся неотъемлемой составной частью современной университетской жизни. Но создание катализаторов для ее развития без анализа возможных последствий и рисков, без отработки механизмов, смягчающих негативные последствия и издержки, приведут к необратимым последствиям, компенсировать которые будет уже крайне сложно, если вообще возможно. Интеллектуальное обескровливание высшей школы, которая и без того переживает не лучшие времена, создаст серьезные препятствия для решения тех стратегических задач, которые Украина перед собой ставит.

### Литература:

1. Байденко В. И. Болонские реформы: некоторые уроки Европы // Высш. образование сегодня. – 2004. – № 2. – С. 14–19.
2. Байденко В. И. Мониторинговое исследование Болонского процесса: некоторые результаты и взгляд в будущее // Высш. образование в России. – 2009. – № 9. – С. 147–155; Многоплановый и системный характер Болонского процесса // Там же. – 2009. – № 9. – С. 120–132; Гуманистическая направленность подлинных болонских реформ // Там же. – 2009. – № 10. – С. 116–126; Болонские преобразования: проблемы и противоречия // Там же. – 2009. – № 11. – С. 26–40.
3. Голуб Г. Б. Парадигма актуального образования / Г. Б. Голуб, Е. Я. Коган, В. А. Прудникова // Вопр. образования. – 2007. – № 2. – С. 20–42.
4. Гребнев Л. ВТО и российские вузы: от жестокой конкуренции к взаимовыгодному сотрудничеству // Высш. образование в России. – 2006. – № 4. – С. 28–32; Высшее образование в Болонском измерении: российские особенности и ограничения // Там же. – 2004. – № 1. – С. 36–42; Лондонское коммюнике; завершающий этап Болонского процесса // Там же. – 2007. – № 9. – С. 3–20.
5. Коитиро Мацуура. Глобализация и ключевые проблемы высшего образования // Высш. образование сегодня. – 2008. – № 8. – С. 6–8.
6. Кузьминов Я. Наши университеты // Высш. образование сегодня. – 2007. – № 10. – С. 9–15.
7. Вербик Л. Международная мобильность студентов: паттерны и тренды / Лайн Вербик, Вероника Лазановски // Вестн. высш. шк. – 2007. – № 9. – С. 12–36.